

ГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

.....

Л.Г. Титова*

Жизненно важной для человека начала XXI в. стала групповая идентичность. На процессы самоотождествления с этногруппой, территорией, идеологией, культурой влияние оказывает экспертная рефлексия по поводу природы человека – агрессивной или миролюбивой. Потребность в том, чтобы ограничить влияние «культуры войны», привела мировое сообщество к идее культуры мира, которая нашла практическое воплощение в документах ЮНЕСКО, в долгосрочной Программе культуры мира, нацеленной на кардинальную смену международных парадигм, отказ от идеологии войны и развитие ценностей человечества: межнациональной терпимости, справедливости, свободы, солидарности, прав человека, равенства между мужчинами и женщинами. Развернулось общественное движение, в котором участвуют представители научного сообщества, журналисты [2; 6; 8; 10]. 2000 и 2005 гг. были объявлены Годом культуры мира.

В политической теории это вызвало интенсивные исследования процессов идентификации человека [1; 3; 7; 9; 13; 14], роли гуманитарных технологий в утверждении справедливых социальных и политических отношений [4].

В этом контексте важно понять, каково современное понимание дальнейших путей отечественного развития. Оно, на наш взгляд, связано с той оценкой, которую мы даем обществу советского периода. Успех реформ, как показало прошедшее десятилетие, зависит от того, обеспечит ли власть преемственность развития или будет углублять процессы противостояния настоящего прошлому, старшего поколения младшему, одних социальных групп другим, поскольку социальные трансформации проходят сегодня через жизнь и судьбы конкретных людей. В этом плане особенно важно теоретическое осмысление роли

---

* Титова Людмила Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Электронная почта: politol@uniyar.ac.ru.

сознательного восприятия и действия личности в политическом процессе. Необходимость в осмыслении продиктована многочисленными инсинуациями по поводу человеческих возможностей в историческом процессе в переходный период. Мнение ученого, даже противоположное нашему, представляет для нас особую ценность, так как дает возможность выявить аргументированную позицию обеих сторон.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что в теории и практике российских «демократов» нередки ссылки на Ф. Хайека и характерное «усечение» мысли ученого в целях политической конъюнктуры. Критика социализма дается ученым с позиций эволюционизма. Основной упрек социалистам, с точки зрения Ф. Хайека, касается их надежды на разум в обеспечении порядка, в то время как «расширенный порядок человеческого существования» (капитализм) сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерений человека, а спонтанно. Мораль, традиция, долгое время управлявшие поведением людей, и рынок складываются постепенно в результате эволюционного отсева и отбора. При этом устанавливается порядок, «намного превосходящий сознательно вырабатываемые людьми планы» [11, с. 18], поскольку установление его осуществляется людьми, каждый из которых заинтересован в своем предпринимательстве и знает о нем больше кого-либо другого. Рассеянная информация, таким образом, не создает возможности всеобщего планирования, а собирается и перерабатывается в ходе естественной эволюции рынка индивидуально [11, с. 30]. В силу этого у человека не возникает потребности действовать альтруистически, помогать ближнему [11, с. 37]. Возникающий при этом порядок, вырастающий из традиции, постепенно преодолевает традицию коллективного существования, и человек естественный не может вписаться в этот расширенный порядок, т.е. капитализм. Сохранение стремления к коллективному существованию – инстинкт «благородного дикаря» [11, с. 37].

Какие же традиции сохраняются? Те, которые помогают индивиду войти в расширенный порядок и сделать более эффективным сотрудничество людей. Упрекая социалистов в рационализме, Ф. Хайек сам остается рационалистом, хотя и особого рода. Это рационализм человека, признающего естественный ход вещей: разум – следствие человеческого взаимодействия, постепенного усвоения принципов существования в окружающей среде; не рациональная интерпретация фактов, а привычные способы реагирования. Не человеческое сознание – двигатель человеческой цивилизации, а культура и эволюция – создатели человеческого разума, который эволюционизировал вместе с цивилизацией, приобретая способность обуздывать инстинкты. Традиции древнее разума, а инстинкт древнее традиции. Роль традиций, в том числе и нравственности, – не в уразумении лучших, нравственных привычек и обычаев, а в преодолении ограниченности «непосредственного восприятия». Традиции – бесценный опыт человечества, накопленный в процессе эволюции, проб и

ошибок. Отвернуться от этого опыта – значит уйти в сферу инстинкта, следование которому автор видит у социалистов. Для Ф. Хайека естественен релятивизм – признание относительности добра и зла и отрицание возможности их сознательного разграничения человеком. Происхождение морали ученый находит в культурной эволюции, институты свободы, справедливости и собственности – дар эволюции, которая наделяет им человека. Сам человек разумный никакого участия в их появлении не принимает [11, с. 93]. Ф. Хайек видит в социалистах детей эпохи Просвещения и ее установок на свободу человека, проводя важную для российской действительности мысль о том, что свобода как политический институт – это не стремление к освобождению от ограничений, а стремление «отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни». Свобода вырастает из закрепленного за отдельными лицами контроля над разнообразными средствами производства и признания законными испытанные способов передачи этого контроля [11, с. 55].

Негативно относясь к позитивизму И. Бентама и О. Конта, Ф. Хайек объединяет социалистов и либералов, усматривая в их теориях общий корень – западную философию, основанную на признании активной силы разума. Сомнения западного экономиста передаются и российским ученым. Наблюдая развитие современной западной цивилизации и проблемы России, они готовы вслед за Ф. Хайеком отказаться от определяющей роли разума в становлении политических институтов Новейшего времени и того, что составляет суть их функционирования, – сознательной активности масс, осознания человеком своего места в политическом процессе, осознанности политического выбора.

Однако позиция автора, хотя и оригинальная и бесспорная в ряде положений, не представляется таковой в основополагающих частях его конструкции. Неясно, в чем проявляется разумное начало человеческой жизнедеятельности, ибо утверждения об осознании своей ограниченности явно недостаточно для выявления его сущности. Не отказывает ли ученый человеку в разуме вообще, рассуждая о спонтанности человеческого бытия и появлении культуры? Если это так, то накопленный опыт будет представлять собой лишь набор механических привычек и навыков, не включая то, что составляет, как выражается сам Ф. Хайек, «живую душу» человека. Человек должен в таком случае превратиться в робота, следующего особым правилам, вырабатываемым к тому же помимо него. Его участие будет заключаться лишь в восприятии созданного до него. В таком случае судьба цивилизованного человека ничем не лучше судьбы дикаря, следующего инстинкту. Если речь идет о политическом процессе, трудно утверждать возможность какого бы то ни было влияния на его протекание и на принятие политических решений населением в том случае, когда оно недовольно установившимся до него и помимо него порядком. Оно должно идти в том же направлении, которое задано изначально, не пытаясь изменить *status quo*.

Релятивизм автора наглядно проявился в приводимом им рассуждении Дж. Фрэзера о приоритете поступков над взглядами (что, по нашему мнению, свидетельствует о рационализме обоих авторов): «Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро наши поступки добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет» [11, с. 267].

С этой точкой зрения трудно согласиться: результативность поступка не исключает важности замыслов и целей, ибо ориентация на результат часто соединяется с неумением или нежеланием продумывать более отдаленные последствия своих благих поступков.

Это подтверждает нынешнее состояние современной цивилизации, все развитие которой было цепью позитивной деятельности человека в области научно-технического прогресса. На практике же он обернулся и другой своей стороной – хищнической эксплуатацией природы и человека. Об этом говорит и сегодняшняя практика российских «демократов», которые предпочли путь проб и ошибок, манипулирования, принятия сиюминутных решений.

Приводя рассуждения о роли разума в человеческом поведении одного из популярнейших сегодня в России авторов, мы учитываем, что авторскую конструкцию надо либо принимать целиком, либо отказываться от нее полностью, «выборочное цитирование» может исказить смысл построения в целом. Однако мы не можем отрицать в рассуждениях Ф. Хайека историческую и теоретическую справедливость, что свидетельствует о том, что настоящий ученый всегда больше созданной им системы. Нельзя не считаться и с тем, что в советский период представления о разумности всего населения опережали ее реальный уровень, что политическая активность населения не всегда имела под собой достаточно содержательное основание.

Вместе с тем концепция Ф. Хайека отражает, на наш взгляд те процессы, и тот опыт, которые были характерны для становления западной политической системы и культуры. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, скажем лишь, что создание современной западной системы отношений действительно шло эволюционно и заняло длительный промежуток времени, в течение которого поэтапно осваивался, отсеивался и утверждался собственником наиболее приемлемый опыт ведения своего хозяйства и выстраивались взаимовыгодные отношения между государством и обществом, что не требовало специальных мобилизационных программ быстрого решения сложнейших государственных и хозяйственных задач. Когда же такая потребность возникала (это было, как правило, следствием войн или естественных катастроф), власть и население опирались на уже существующие механизмы отношений, что позволяло им довольно безболезненно для себя выходить из кризиса. Так произошло в Америке в годы Великой депрессии, когда были мобилизованы имеющиеся в распоряжении населения возможности – психоло-

гическая готовность к любому виду труда, природный оптимизм американцев, деловая культура и т.д. Так было в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и мобилизовавшейся нацизмом для выхода из безработицы и преодоления стресса от унижения поражением. За выход, найденный властями Германии, расплачиваться пришлось всему миру и самой Германии, однако ее восстановление после Второй мировой войны было таким же быстрым, как и после первой, в чем немаловажную роль сыграло консолидация стран Запада в послевоенной Европе и действие уже имевшихся демократических политических институтов, привлекавших население на выборы и восстановление страны.

Россия в ходе своего развития приобретала другой опыт, который почти всегда был связан с мобилизацией возможностей личности и масс, не оставляя времени для плавного перехода из одного состояния в другое. Это открывало путь, с одной стороны, произволу и субъективизму власти, с другой – своеобразной форме подчинения человека власти. В том случае, когда власть представляла собой традиционно легитимную форму, он был готов к подчинению институту власти и оказанию сопротивления властному субъекту, если видел в нем источник своих бедствий. Ментальность российского народа, проявлявшаяся в поиске справедливости как «правды», страдательная и сострадательная составляющая российской православной культуры [12], формировала постоянные моральные обращения к власти (получившее, например, отражение в «монархическом» цикле пушкинской поэзии). Устремления к Высшей Правде, неудовлетворенность существующим положением вещей, предпочтение веры разуму, бездушной истине, которую ищет разум [12, с. 59–60], приводили к анархическим всплескам против любого вида власти вообще, к призывам к «воле» и образованию независимых от центральной власти анклавов в виде Запорожской Сечи. Следствием отсутствия гражданского общества в России явилось снятие граней между политическим и социальным, что привело к своеобразному положению человека в российском политическом процессе: переход его из положения объекта в положение субъекта власти не только устраняет устремления к поиску справедливости, но и создает возможность для властного волюнтаризма, которая в большинстве случаев успешно реализуется.

Применительно к России суть проблемы сводится, на наш взгляд, к отделению «человека традиционного» от «человека рационального». Существование первого – российская реальность, второго – частный случай российской политики и отдаленная перспектива российского политического процесса.

С этим фактом необходимо считаться российским политикам и действовать бережно, осторожно и терпеливо, создавая условия, в которых будут формироваться качества человека делового, активного, нравственного, осознанно участвующего в политическом процессе.

Торопливость, с какой российские политики пытались осуществить прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы», привела к расслоению общества на социальные группы с противоположными интересами. Прививаемые народу демократические ценности не получили никакого экономического и социального подтверждения: свобода оказалась не абсолютным понятием для населения, которое, ощутив ее как волю, готово отказаться от нее во имя порядка и стабильности. Раскол стал ведущим фактором в российской политической реальности. Массовое сознание россиян не может адаптироваться к новой реальности, так как глубокие ценностные расслоения, усиливающиеся трудностями процесса модернизации, постоянно воспроизводят противопоставление между различными слоями населения. Общество лишилось активного потенциала, отчуждено от власти, неустойчиво и противоречиво по всем направлениям – идейному (идеологическое противостояние), возрастному (разрыв поколений) и социальному (социальное неравенство).

Внутрисоциальные противоречия переплетаются с противоречиями общества и власти, хотя прямой связи между первой и второй группой противоречий нет. М. Вебер, П. Блау, Д. Истон полагают, что подчинение власти может происходить и тогда, когда она не удовлетворяет интересам и потребностям людей. Человек может осознавать, что его интересы никогда не реализуются, и тем не менее подчиняться власти без видимого принуждения. Это происходит тогда, когда власть в состоянии предъявить некую общую и высшую цель, поскольку отвечает потребностям человека не только в материальном, но и в духовном, более того, в высшем духовном – в самосовершенствовании, в жертвенности, в служении благородным целям, идеалам. Слияние устремлений индивида и предъявляемых властью ценностных установок, как отмечает В.В. Крамник, закладывает мощные пласты залегания устойчивых политических идей и ценностей, которые в свою очередь способствуют стабильности ценностных ориентаций и надежно защищают политический строй от перемен. Когда же в силу действия совокупности экономических, социальных, политических и идеологических причин перемены все-таки наступают, процесс ценностных переориентаций значительно затруднен. Организуя внутренний мир человека, придавая его жизни смысл и значение, ценности устойчиво закрепляются в сознании и психологии людей. Разрушение ценностей приводит к необходимости изменения политической культуры личности, созданию новых ценностей, ибо без них человек теряет опору, внутренний строй и порядок. Изучая социально-психологический механизм подчинения власти, психологи, исследовавшие психологический механизм властного воздействия и властного подчинения, показывали, к каким последствиям может привести потеря веры человека в надежность, устойчивость и незыблемость существующих порядков. Власть, заботясь о своей легитимности, должна учитывать консерватизм сознания. Человек тяжело расстается со своим прошлым: разрушить его значение в сознании человека – значит разрушить смысл его существования. Именно в

этом – главная причина стрессов и депрессионных настроений населения в период реформ в России, а не в ностальгии человека по его молодости, каким бы очевидным это ни представлялось. Поэтому следует избежать немедленного разрушения ценностных систем предыдущего режима, обеспечивать преемственность ценностей при переходе из одной системы отношений в другую.

Формирование идей и ценностей перестройки имеет большее значение, чем удовлетворение материальных потребностей людей, так как периоды переходов сопровождаются кризисными явлениями во всех сферах общества, политический процесс становится дисфункциональным, человек лишается не только привычных источников доходов, но и привычных норм отношений, регулирования этих отношений. В таком случае, подчеркивает В. В. Крамник, приобщение к ценностям и идеям «позволяет правящим кругам в определенной мере нейтрализовать рост недовольства, вызванного ухудшением материального обеспечения масс, без обращения к принудительным средствам» [5, с. 86].

Все сказанное подчеркивает значимость ценностей в политическом процессе. Ценности регулируются властью, оказывают на нее обратное влияние и организуют духовный мир человека. В этом отношении ценности выступают незаменимым фактором существования человека в обществе. Проявление стабилизирующей и организующей роли политических ценностей происходит в политическом процессе через регулятивные действия власти и возникающее у человека ощущение единства с данной властью. Изменения ценностных ориентаций не находятся в прямой зависимости от социально-экономических и политических изменений, они проходят через действия власти, которая определяет, в каком направлении формировать очередные ценностные ориентации людей. Действия власти могут быть осознаны человеком и восприняты как противоречащие его ценностным установкам.

Библиографический список

1. Война идентичностей // Свободная мысль – XXI. 2005. № 7.
2. Гогоберидзе Г.М., Егизарьянц А.А. Формирование межэтнической толерантности и культуры мира: психолого-педагогический аспект // Конфликтология. 2005. № 1.
3. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: СПбГУ, 2004.
4. Елисеев С.М. Проблемы и парадоксы гуманитарных технологий // Гуманитарные технологии и политический процесс в России: Сб. ст. / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб: СПбГУ, 2001.
5. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л.: ЛФЭИ, 1991.
6. Общественные перемены и Культура мира. М.: Весь Мир, 1998.
7. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: СПбГУ, 2002.

8. Самарин А.Н. «Культура мира» как открытый междисциплинарный проект // Конфликтология. 2005. № 1.
9. Сурова Е.Э. К вопросу о региональной самоидентификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 1.
10. Тагиров Э.Р. Культура мира глазами конфликтолога // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 14: Конфликтологи – педагогам. М.: Феникс, 1998.
11. Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Новости; Catallaxu, 1992.
12. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5.
13. Щербинин А.И. Что же будет с Родиной и с нами? Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования // Полис. 2003. №4.
14. Юрина М.В. Механизм политической идентификации в период первичной политической социализации // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2005. № 5.